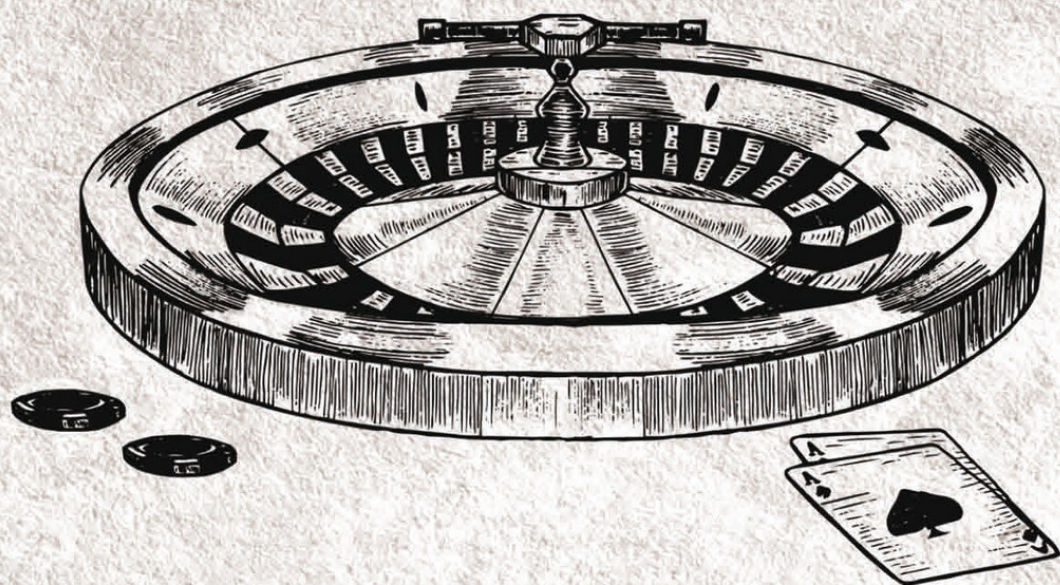

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

КАЗИНО «ФОРТУНА»

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Седьмая линия

Анастасия Валеева
Казино «Фортуна»

«Научная книга»

Валеева А.

Казино «Фортуна» / А. Валеева — «Научная книга»,
— (Седьмая линия)

После смерти владельца казино детектива-экстрасенса Яну Милославскую начинают посещать странные видения. Если она сможет расшифровать эти видения, то они помогут ей в смертельно опасном расследовании загадочного убийства...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Валеева

Казино «Фортуна»

ГЛАВА 1

– Ла-ла-ла-а-а, – с самозабвением и необычайной одухотворенностью распевала на весь дом Яна Милославская, старательно наглаживая новенькие шелковые занавески и после каждого движения шипящего утюга любуясь ими.

Сегодня она пребывала в наилучшем расположении духа, которое объяснить не могла, да и не пыталась. Просто солнце светило со всей своей щедростью, просто не отягощали никакие проблемы, просто она совершила целую кучу покупок, просто ей было очень хорошо и весело...

Милославская уже две недели как отдыхала. Она наконец-то отоспалась, вошла в нормальный ритм жизни, почти полностью восстановила потраченные во время работы силы, навестила всех своих подруг и знакомых, на что ей вечно не хватало времени, сделала визит к косметологу и парикмахеру, и даже к стоматологу, что всегда ввергало ее в дикий первобытный ужас.

Окна ее дома сверкали чистотой после недавней уборки, и Яна с нетерпением готовилась украсить их новыми шторами, которые она приобрела с утра в магазине одной своей давней знакомой. Милославской вдруг захотелось, чтобы комнаты заиграли новым светом и настроением, и она решила удовлетворить свое желание, тем более что после последнего выполненного ею заказа средства ей это позволяли.

Яна Милославская жила тут не так давно, но она один раз, сразу же после переезда, сделала в доме капитальный, даже глобальный ремонт, и уже не единожды меняла различные атрибуты дизайна своего жилища.

В этом далеко не самом престижном, периферийном, зато тихом и спокойном районе города Яна поселилась несколько лет назад. Официально он назывался Агафоновкой, а снобы часто сквозь зубы с усмешкой говорили про него: «Простоквашино».

Здесь жилось Милославской прекрасно, и Яна не разу еще не пожалела, что, имея возможность поселиться где-нибудь в центре города, всем прелестям цивилизации предпочла тогда небольшой домик, заслоненный огромными ветвями дуба, росшего под самыми его окнами.

Дом ко времени его покупки не представлял из себя ничего особенного и был явно старше своей новой хозяйки. Но от него веяло таким теплом, что невольно всплывали в сознании Яны сладко-грустные воспоминания о навсегда ушедшем счастливом детстве. Отказать себе в удовольствии согреться этим теплом Милославская не сумела.

Да и дуб – прекрасный дуб, в сравнении с ним сам дом казался младенцем! Огромное, могучее, сильное, дерево словно обещало защиту и поддержку, в которой женщина тогда очень нуждалась.

Теперь при всей патриархальности в доме Милославской было довольно современно и комфортно, и она ни разу не погружалась еще в мечтания о лучшем.

Джемма, чистопородная среднеазиатская овчарка, которую Яне некогда привезли из Туркмении, смиренно лежала у ног хозяйки и наблюдала за ней, прищутив глаза. Она была невероятно сообразительна и дьявольски верна. Милославская души в ней не чаяла.

Неожиданно собака приподняла голову, наострила уши, забила хвостом и предупреждающе зарычала. Яна удивленно обернулась на нее. В ответ на вопросительный взгляд раздался громкий хриплый лай.

Милославская бросила взгляд во двор: мимо окон промелькнула мужская фигура.

– Кто еще там? – вслух произнесла женщина.

Калитку, возвращаясь домой в приподнятом настроении, она запереть забыла, потому что все мысли ее были заняты новыми занавесками. Кто-то вошел к ней слишком смело – без стука, и именно это смутило Яну. К счастью, в лице Джеммы Милославская имела более чем надежного защитника, поэтому она с одним лишь чувством недоумения и любопытства двинулась к двери. Овчарка, разумеется, поторопилась обогнать ее.

Незванный гость между тем опередил их обеих и первым раскрыв дверь. Джемма едва не поднялась на дыбы, но тут же вся спесь с нее сошла: на пороге стоял Семен Семеныч Руденко.

Вид, однако, у него был неважный: глядел он хмуро, из-под бровей, губы поджал, лоб наморщил. Милославская, собравшаяся было кинуться ему на шею, тут же беспомощно опустила руки.

– Что случилось? – спросила она, не здороваясь.

– Дай чего-нибудь пожрать сначала, – ответил он, вешая на крючок фуражку, – сейчас расскажу, – ботинки гостя разлетелись в разные стороны.

– Ну, проходи... на кухню что ли... – растерянно пробормотала Яна.

– С утра как белка в колесе, – заговорил Руденко, брызгая у раковины мыльной пеной, – весь отдел на ушах, шеф в бешенстве...

– Опять? – иронично спросила Милославская, заглядывая в холодильник.

– Брось шутки, – отрезал Семен Семеныч, утираясь полотенцем, – не до них. Дело серьезное. Ну, чего там у тебя? – спросил он, рыская глазами по столу. – Я с раннего утра маковой росинки во рту не держал, да и утром-то не позавтракал толком. Сейчас только перерыв дали. К тебе вот забежал... Мы тут неподалеку...

– Что-то я ничего не понимаю! Врываешься, командуешь... И-и-и вообще... кто это мы?

– Сейчас все объясню, – Семен Семеныч сел на табурет, по привычке подогнув под себя одну ногу.

Через пару минут Яна поставила перед ним разогретую в микроволновке пиццу и, достав из навесного шкафчика незаменимую серебряную джезву, принялась варить кофе.

– Короче, звонят мне с утра, – начал гость, – Я спал еще. Срочно выезжай, говорят. Что к чему не объясняют, некогда, мол. Прилетаю – в отделе полный переполох. Спрашиваю, в чем дело. Отвечают: теракт.

– Чего-о?

– Не перебивай. Теракт, говорят. Акт тер-ро-рис-ти-чес-кий! Неподалеку от здания районной администрации прогремел взрыв.

– Это у нас тут?! На Парковой?

– Угу.

– Ничего себе!... Вот дожили! Вот так Простоквашино! И что есть жертвы?

– Ты дашь мне договорить или нет?!

– Молчу.

– Неприметный мужичок, серенький такой, обыкновенный – подробнее его никто описать не смог – быстренько вошел во двор дома на Парковой. Ну ты знаешь, старая четырехэтажка такая... В ней аптека еще...

– Ну-ну, – глаза Милославской загорелись азартом.

– Вошел и бросил под колеса стоящего там джипа «Лендрровер» какой-то непонятный предмет.

– И сразу взорвалось?

– Нет, сначала он повернулся и убежал. Потом рвануло. Из-под колес – столб огня и дыма. К счастью, ни в машине, ни в непосредственной близости от нее никого не было, но свидетели

все же нашлись. Правда толку от них, кроме того, о чем я сейчас рассказал, нет. Это все, что мы смогли у них выяснить.

– Вот так штуки, – задумчиво протянула Яна, присаживаясь на табурет.

– Штуки, – кивая и засовывая в рот солидный кусок пиццы, подтвердил Руденко. – А сколько народу съехалось! Сколько народу! Тьма! ФСБ, УБОП, представители власти, да еще скорые, пожарки, пресса, в общем, полный атас.

– М-да, заварушка...

– Ты представь мою фигуру во всей этой заварушке! С самого утра...

– Сема, успокойся, я тебе сочувствую, – немного резко парировала Яна.

Она минуту помолчала, задумавшись, а потом спросила Семена Семеныча:

– Так ты говоришь, никто не пострадал?

– Му-му, – жуя, утвердительно промычал Руденко.

– Понятно. Ну, а что-нибудь еще, кроме показаний очевидцев, вы за эти полдня накопили?

– А как же! После осмотра места происшествия изъяли фрагменты металла, железную скобу от гранаты, скорее всего, РГД-5, следы копоти взяли на пробу...

Семен Семеныч принялся перечислять все те неинтересные рядовому обывателю мелочи, без которых не обходится работа милиции в таких случаях. Яна же внимательно слушала, живо заинтересовавшись новостью, которую ей принес приятель.

– Хм, – заметила она, когда он закончил, – все это заставляет думать, что преступник использовал бутылку или банку с зажигательной смесью, начиненную металлическими предметами.

– О! Да мы с тобой мыслим одинаково! Я тоже первым делом об этом сказал!

– Думаю, Сема, что не один ты. Любой профессионал сказал бы то же...

Милославская немного помолчала и, пододвигая приятелю кофе, спросила:

– И что, все еще продолжают думать, что это был теракт?

– А ты сомневаешься?

– Я уверена, что это совершенно не так.

– Я тоже. И многие наши. Но эту версию решено пока не исключать из возможных.

– Зря. Напрасная трата времени и сил.

Семен Семеныч хлебнул два раза из чашки и, сморщившись, протянул:

– Ну что все вечно сыплется на мою голову, а?! Только-только все гладко пошло... Шеф о премии намекнул... И тут на тебе! Прими, Семен Семеныч, в раскрытии дела самое активное участие. А не получится, попрощайся со звездой. Ну что за жизнь?! Я в отпуск собрался... Маргарита уже путевки заказала в санаторий...

Милославская искоса посмотрела на Руденко и, видя, что он на самом деле находится у черты отчаяния, протянула, положив руку ему на плечо:

– Да пойдешь ты в отпуск, Сема, пойдешь. Не горюй, все образуется. Первый раз что ли, а? – Яна улыбнулась, – Прорвемся!

– Прорвемся? Я не ослышался? Или, может быть, в единственном числе – прорвешься?

– Именно первое!

– Ты поможешь? – Руденко слабо улыбнулся.

– А разве у меня есть выбор? Разве мы не друзья? – Милославская потянулась за сигаретой.

– Ой, Янка, – оживленно начал Семен Семеныч, тоже прикуривая, – ну, шеф сегодня – прямо зверь! Ну, веришь, матом нас крыл трехэтажным, как никогда. Такое загибал! Он ведь тоже в отпуск собирался...

– Верю, – Милославская тихонько засмеялась: шеф Руденко давно ей уже был как родной.

* * *

С Семеном Семеновичем Руденко, капитаном милиции, Милославская была знакома очень давно, поэтому он вел себя с ней несколько фамильярно, не растрчиваясь на премудрости этикета и прочие любезности. Порой он был даже несколько грубоват, брюзжал без повода, надоедал своим присутствием. Однако по большей части между ним и Яной сложились теплые дружеские отношения.

Она этого человека очень любила за широту его натуры, простоту, бесхитрость, беззлобность. Он уважал ее за неординарность суждений, тонкий интеллект, неподражаемое чувство юмора, силу характера и, наконец, за совершенно исключительную женскую красоту, которую она ко всему прочему умела приподнести. При этом ничего похожего на любовную связь между ними никогда не было. Люди в это верили неохотно, потому что союз Руденко-Милославская не распадался вот уже сколько лет.

А крепила его дружба совершенно особого рода. Слишком часто работа заставляла их быть единомышленниками, и иногда Яна и Семен Семеныч целые дни, и даже ночи, вынуждены были проводить вместе. В такие периоды они жили общими интересами, мыслями, стремлениями... Потом на какой-то срок выпадали из поля зрения друг друга, изредка забегая на праздники или дни рождения. Потом вновь судьба связывала их более крепко в каком-то едином деле.

* * *

- Ну, и каковы твои соображения? – спросил Руденко, серьезно глядя на подругу. Милославская неторопливо подошла к окну и, беспечно глядя куда-то вдаль, сказала:
- Во-первых, я уже сказала: это сто процентов не теракт.
- Допустим. Во-вторых? – Семен Семеныч тоже подошел к окну и встал чуть позади Яны.
- Во-вторых, я думаю, это действие было направлено против конкретного лица, – Милославская обернулась на друга, – Иначе зачем уродовать совершенно ни в чем не повинный джип и бросать адскую штуку именно под него, а не где-нибудь рядом, у входа той же администрации, к примеру?
- Логично.
- Ну, а в-третьих, лицо, против которого было направлено действие, хотели просто припугнуть.
- Ты считаешь? – Руденко смотрел хитро и лукаво, словно скрывал что-то важное.
- Если бы преступник желал большего, уверяю, он бы дождался момента, когда желаемый объект сел бы в машину.
- Согласен.
- Отсюда следствие – лицо, против которого направлено действие, – хозяин джипа.
- А теперь меня послушай, – Руденко снова увлек подругу к столу. – Конечно, до всего этого я тоже дошел в своих соображениях. Естественно, кинулся искать хозяина джипа, – Семен Семеныч прищурился.
- Нашел?
- Нашел. Он был в одной из квартир этой четырехэтажки. У него там любовница живет. Ночь он провел с нею...
- Знакомая картина из жизни нового русского.
- А вот тут ты не угадала! Знаешь, кто владелец автомобиля?
- Еще скажи, что какой-нибудь заводской работяга, – саркастично парировала Милославская.

– Не заводской, но работяга, – поучительно протянул Руденко.

Яна удивленно раскрыла глаза.

– С каких это пор простые рабочие на джипах ездят? Мы что наконец-то построили коммунизм? – спросила она.

– Увы, нет.

– А в чем дело? Он клад нашел? Получил наследство? Банк ограбил?

– Пока не знаю. Знаю только, что он рабочий казино «Фортуна».

– Ты что же, его не допросил что ли?

– Пытался. Но он как свой джип увидел, ему плохо стало. За сердце схватился и на корячки сел. В прямом смысле дар речи потерял. Мычит, а чего не поймешь... Потом подруга его выскочила, под мышки его и домой. Мол, без адвокатов показаний не даем и все такое, помощь ему медицинская нужна и так далее. Вручили повестку, на том и расстались.

– Неужели они взрыва не слышали?

– У нее окна квартиры на другую сторону и хороший стеклопакет. Так что сквозь сон слышали они шум какой-то, выглянули в окно – все тихо, а на улицу выйти им и в голову не пришло. Шум их разбудил, и они снова за интим, собаки. Дверь не открывали минут пятнадцать, пока я звонок совсем не надорвал. Сердцем чуял, что есть кто-то в квартире, звонил, звонил, звонил...

– Представляю, как ты их обрадовал.

Руденко усмехнулся. Яна сказала:

– Я так понимаю, это все его девица тебе поведала, а его ты хоть о чем-нибудь смог спросить?

– Спросил. Говорю, кого-то подозреваете? Головой мотает.

Вам угрожали? Тоже головой мотает. В общем, ничем наш с ним разговор не закончился.

– Когда он по повестке-то к вам явится? – спросила Милославская задумчиво.

– Сегодня в семнадцать ноль ноль.

– А может быть мы его сами навестим? А? Что время терять? У тебя какие планы?

– Какие-какие, – радостно отозвался Семен Семеныч, – Заскочил вот перекусить, и бросаю все силы на расследование...

Яна молчала.

– А ты, – осторожно спросил Руденко, – загорелась, да? Берешься вместе со мной?

– Вроде как.

Семен Семеныч кинулся на подругу и сгреб ее в охапку, крепко расцеловав в обе щеки.

– Свой человек! – подытожил он в заключение.

– Ну что, я собираюсь? – Милославская привстала с места.

– Угу.

Яна скрылась в своей комнате, откуда в течение пятнадцати минут доносилось то неразборчивое бормотанье, то шорох одежды, потом зашумел фен.

– Как на свадьбу, – покачивая головой, заметил Семен Семеныч, поглядывая на часы.

Наконец Милославская предстала перед ним в полном, как она выразилась, боевом обмундировании: в черных джинсах и широкой хлопковой блузе навыпуск. При этом она не забыла про неброскую бижутерию, косметику и, в тон блузе, сумочку. Игриво посмотрев на приятеля, спросила:

– Как?

– Шляпу одень с перьями, – огрызнулся он.

– Плохо? – Яна обиженно выпятила губы.

– Долго, – со вздохом объяснил Руденко и встал. – Идем?

– Идем, – Милославская ободрилась, – Джемма, за мной, – позвала она собаку, решив взять ее с собой.

Сядясь в машину, Яна под нос себе пробормотала:
– Черт, занавески так и не догладила!

ГЛАВА 2

– Фамилия? Имя? Отчество? – глядя исподлобья, спросил Руденко и ближе пододвинул незаполненный листок протокола.

– Вы же знаете, – процедил сидящий напротив него мужчина лет тридцати двух, небритый, угрюмый и явно не настроенный на разговор. Он весь сторбился, уперся локтями в колени и сжал голову обеими руками.

– Отвечайте на вопросы! – раздраженно прикрикнул Семен Семеныч и тут же добавил спокойней: – Порядок такой...

– Вадуев Александр Сергеевич, – нехотя ответил мужчина на его вопрос и шмыгнул носом. Следом он также небрежно назвал год своего рождения, дату, адрес по прописке и место жительства.

– Так-то оно лучше, – удовлетворенно пробормотал Три Семерки, делая торопливые записи в протоколе. – Ну-с, – произнес он, закончив, и по привычке погладил свои усы, – что вы можете сказать по поводу сегодняшнего происшествия?

– Хм, я безумно счастлив, – саркастично ответил Вадуев и выпрямился. Он начал подергивать одной ногой и «ломать» пальцы рук, от чего раздавался неприятный хруст.

– Только вот этого не надо! – снова сорвался на крик Семен Семеныч. – А то мы ведь и по-другому разговаривать умеем!

– Это мы знаем, – криво улыбаясь, снова съязвил Александр и отвернулся.

Руденко встал, закурил и начал ходить из стороны в сторону. Яна, до того спокойно сидевшая в одном из старых обшарпанных кресел в конце кабинета и поглаживающая Джемму, пересела на место своего приятеля и строго сказала:

– Думаю, молодой человек, скорейшее раскрытие произошедшего в ваших интересах тоже. Так что не надо здесь устраивать представлений. Мы и не таких актеров видывали, – собака подобралась поближе к своей хозяйке и села у ее ног, начав предупреждающе постукивать хвостом.

Голос Милославской был ровным и жестким. Вадуев перестал хрустеть пальцами и, прищурившись, посмотрел на нее.

– Первая и главная версия случившегося, – продолжала Яна, – террористический акт. – Будет здорово, если мы сейчас признаем ее единственно возможной, а вас запишем в соучастники, – женщина холодно улыбнулась.

Вадуев нервно закинул ногу на ногу, глянул на нее недоверчиво.

– Но мы люди неглупые, поэтому делать этого не станем. Истина нам дороже. А если к этой истине присмотреться получше – вас хотели как следует припугнуть. А знаете что обычно за этим следует – убийство...

Александр закашлялся.

– Были у вас злоумышленники? Подозреваете кого-то? Угрожали вам ранее? – начала наступление женщина.

Вадуев весь вытянулся и, неожиданно перебив Яну, вскрикнул:

– Нет!

В кабинете на мгновение установилась полная тишина. Милославская онемела от удивления. Джемма насторожилась. Руденко выронил остаток сигареты.

– А в чем же тогда дело? – тихо произнесла Яна.

– Откуда мне знать?! – воскликнул мужчина. – Поговорите лучше с шефом..., – тут же добавил он сквозь зубы.

– С шефом? – осторожно переспросила Милославская.

– Он тоже на этой машине ездит.

– Так, давайте по порядку, – Яна облокотилась одной рукой о стол. – Автомобиль принадлежит вам?

– Мне. Но по доверенности им управляет мой босс.

– Где вы работаете?

– В казино «Фортуна».

– Значит, вы имеете в виду директора казино?

Вадуев молча кивнул.

– Да-а, его участие в этом сюжете, конечно, более реально, – задумчиво протянула Милославская и спросила с иронией: – Скажите, а откуда у вас к нему такое доверие?

– Я дальний родственник его жены. Приехал из деревни. Он мне работу дал, – выдал мужчине.

– Хозяин казино устраивает простым рабочим несчастного владельца «Джипа»? – Милославская усмехнулась.

– Машину он тоже...

– Что, тоже в подарок? Скажите, какая благотворительность?!

– Яна засмеялась ледяным смехом.

Вадуев снова захрустел пальцами.

– Хотите, скажу, как на самом деле? – Милославская вдруг замолчала, прищурилась и уставилась Александру прямо в глаза. – Машина только по бумагам принадлежит вам. На самом деле это известная многим формальность: в случае чего с вашего босса абсолютно нечего будет взять, поскольку все остальное его имущество тоже, наверное, кому-то «пожертвовано»... Эта уловка стара, как мир новых русских.

Вадуев молчал. Потом спросил тихо, но с вызовом:

– И что, это преступление?

– Нет, но вы рискуете жизнью, – вздохнув, ответила Милославская. Она пододвинула к себе начатый Руденко протокол, прочла, пробежав глазами, и сказала: – Допиши, товарищ капитан.

Семен Семеныч снова присел за стол, записал под диктовку слова подруги, выяснив предварительно у Вадуева, что его шеф – Воробьев Алексей Михайлович, а в своей среде – просто Воробей.

Когда все формальности с протоколом были закончены, Вадуева отпустили. Правда, он не особенно обрадовался, буркнув себе под нос что-то вроде того, что ночь в обезьяннике гораздо приятнее разговора с боссом.

Милославская с Руденко остались наедине.

– В желудке сосет, – пожаловался Семен Семеныч и глянул на часы.

– Зайдем куда-нибудь перекусить? – тоже глядя на циферблат, предложила Яна.

Ее приятель одобрительно кивнул, надел фуражку и, закрыв кабинет, они молча зашагали по коридору, каждый думая об одном.

Воздух на улице, после двухчасового пребывания в отделе, прокуренном, пыльном, казался Милославской просто райским.

– Хорошо! – улыбаясь, сказала она.

Три Семерки посмотрел на нее удивленно и ничего не ответил. Также молча они перешли дорогу и перешагнули порог недавно открывшегося прямо напротив милиции кафе, Джемму привязав за железные перила у входа. Выбрали столик в углу у окошка, сели и стали изучать тут же предложенное официантом меню.

– Вот это я еще не пробовала, – сказала Милославская, ткнув пальцем в строку, где было написано «суси с тунцом».

– Я тоже, – поддержал ее приятель, и выбор был сделан.

Пока готовился их заказ, приятели имели время обсудить разговор с Вадуевым.

– Насчет того, что настоящий хозяин «Джипа» – Воробей, ты, конечно, права, – начал Руденко, – и тратить время на Вадуева больше не стоит.

– Согласна. Знаешь, о чем сейчас надо подумать? О том, почему Воробью угрожали и кто может быть его недоброжелателем.

– Надо с ним поговорить, – закивал Три Семерки.

– А я думаю, надо сначала самим пораскинуть мозгами. Мы ведь хорошо знаем свой город? Да и доступ к определенной информации о криминалитете ты имеешь, так? Даже если мы ни до чего не додумаемся, все равно придем на разговор с Воробьем подготовленными, а не профанами. Так что напряги мозги.

– Яна, ты голова!

– Итак, – не отвечая на комплимент, продолжила Милославская, что мы имеем? Воробей – хозяин казино «Фортуна». Казино – это деньги, а деньги – это всегда криминал. Слушай, а до него далеко? Где оно вообще находится? Я что-то и не знаю...

– Нет, недалеко, квартала четыре. На Мичурина.

– Мичурина – улица большая, где именно?

– Да дома через два от пединститута.

– Так там, по-моему, совершенно другое казино... Да! Ну точно, мы с подругой еще там были как-то. «Золотое руно» оно называется, а не «Фортуна».

– Я сам там не был, но ребята наши не могли ошибиться, это точно. Ты что-то перепутала.

– Да не перепутала я ничего! «Золотое руно» там года два уже.

– Не может быть, – упирался Руденко.

В этот момент официант принес заказ и перед разгоряченными приятелями задымились ароматные красные сладкие перчики, разрезанные на части, фаршированные обжаренным тунцом и запеченные в духовке.

– М-м-м, – протянула Яна.

Руденко тут же схватился за вилку и замолчал. Отрезав кусочек суси, Милославская посмотрела на приятеля и категорично сказала:

– Чтобы разрешить наш спор, нужно поехать туда и посмотреть, что за заведение там находится.

– Давай посмотрим, – пожав плечами ответил Три Семерки, который, как любой мужчина, не любил проигрывать в споре.

Завершив трапезу сладким чаем с лимоном, приятели покинули кафе и направились к стоящей у противоположной обочины «шестерке» Руденко.

Три Семерки молча завел мотор, круто вывернул руль, машина развернулась и поехала в обратном направлении.

– Вот она Мичурина, – удовлетворенно протянул он через некоторое время.

Яна стала напряженно вглядываться в мелькающие мимо дома. Вдалеке покраснел главный корпус педагогического института. Руденко кашлянул.

– Ну, смотри, – сказал он.

– Смотрю, – ответила Яна.

– Вон! Вон! Гляди – неоновая вывеска вся переливается, это «Золотое руно»!

Семен Семеныч сбавил скорость – и впрямь по левую сторону над невысоким крыльцом играла огнями вывеска «Золотое руно».

– Не может быть! Не может быть! – упрямо затвердил он, но все же притормозил.

– Читай! Или ты своим глазам не веришь?! – сердито сказала гадалка.

– «Золотое руно», – подчинившись, недовольно протянул Три Семерки и тихо поехал вперед.

– Ой, Сема, смотри, – вдруг вскрикнула Милославская. – А вон, что это?

– Где?

– Да вон, гляди, иномарка рядом на пьедестале стоит... Кажется, написано «Фортуна»...

– Я же говорил! – закричал Руденко, торжествуя, и подъехав ближе, остановился. – Говорил же!

– Да. Но мы оба правы. Только главное не в этом, – остудила пыл своего приятеля Яна. – А знаешь в чем? – продолжила она задумчиво.

Семен Семеныч посмотрел на подругу вопросительно.

– Из соседства двух этих заведений мы можем сделать свой вывод...

Три Семерки сделал удивленную мину.

– Поясняю: «Золотое руно» тут уже давно, а «Фортуна» не очень. И посмотри, как она клиентов привлекает: автомобиль как супервыигрыш! Конкуренция? И очень жесткая! Даже наглая, я бы сказала. Выручка у «Золотого руна» наверняка похудала.

– И?... – растекаясь в улыбке, протянул Руденко. – Это мотив?

– А разве нет? – Милославская подморгнула.

– Предъявить обвинение прямо сейчас? – глаза Семена Семеныча загорелись.

– Не советую, – Яна тронула его за плечо. – Лучше проверь нашу идею по своим каналам: было ли противостояние, в каких отношениях были хозяева этих казино... Не руби, Сема, с плеча. Можно ошибку большую совершить и навредить делу. Хотя я, конечно, считаю, что мы абсолютно правы.

– Может, зайдём, судьбу испытаем? – Руденко шутя кивнул на «Фортуну».

– Я не в вечернем платье, а ты не в штатском. Зачем к себе внимание привлекать? А на смену обличья уйдет часа два, а то и больше, будет слишком поздно. Лучшее сейчас для нас расстаться. Ты встреться с теми, кто сейчас по этому делу работу ведет, может, они что-то интересное узнали. А я домой поеду, устала, тоже с утра на ногах.

Дело казалось теперь Милославской простым и ясным. Взрыв – способ воздействовать на зарвавшегося конкурента. Того огня, который загорелся в Яне поначалу, уже не было, и она мысленно попрощалась с идеей дойти в этом расследовании до чего-то неординарного.

Семен Семеныч согласился с подругой, решив, что она на этот раз совершенно права. К тому же, он видел, что она на самом деле устала.

– Я тебя довезу, – сказал он.

– Спасибо, – ответила Яна и погрузилась в размышления о недоглаженных занавесках.

ГЛАВА 3

– Господи, кто еще там? – пробормотала сонная Милославская, нащупывая ногами тапочки. – Джемма, да успокойся ты ради бога!

Так и не найдя домашней обуви, Яна торопливо, пошатываясь от головокружения, засеменила к окну, чтобы посмотреть, кто беспокоит ее в столь ранний час. У калитки стояла совершенно не знакомая ей женщина и настойчиво была щеколдой.

– О боже! – произнесла разбуженная хозяйка дома, тяжело и недовольно вздыхая, и, приоткрыв пошире форточку, крикнула: – Что вам угодно?

– Яна Милославская тут живет? – поправляя упавшие на лицо волосы, тревожно спросила та.

– Это я.

– Мне срочно нужно с вами поговорить!

– Вы нашли не самое подходящее время.

– Я вас умоляю!

– Сейчас выйду...

Яна, потирая глаза, поплелась в спальню за халатом. Надев его прямо на пижаму и слегка подвязав шелковым пояском, она немного оправила спутанные за ночь волосы и пошла к двери, по пути пытаясь сообразить, зачем незнакомка к ней пожаловала.

Позевывая, хозяйка отперла дверь и шагнула на крыльцо. Где-то закричал запоздалый петух. Перепуганная галка шумно вспорхнула с ветки дерева. Воздух был еще совсем свеж, и Милославская поежилась, почувствовав вдруг, как по спине побежали мурашки. «Принес же черт!» – сердито подумала она про себя.

С трудом отодвинув тяжелый засов, Милославская открыла наконец калитку. Перед ней стояла женщина лет сорока с исплаканным лицом, невысокая, худенькая. Она смотрела на Яну с мольбой и надеждой. «Очередная клиентка», – тут же догадалась Милославская.

– Здравствуйте, – подрагивающим и немного виноватым голосом произнесла гостья.

– Здравствуйте, – ответила Яна, смерив ее оценивающим взглядом.

«Одевается в дорогом бутике. Точно клиентка,» – с большей уверенностью мысленно повторила Милославская, а когда увидела чуть левее престижную иномарку, то сомнения в собственном предположении у нее и вовсе улетучились. «Богатые по другому поводу меня не беспокоят, – удрученно подумала она, – наверное, узнала, что муж ей неверен и хочет окончательно припереть его к стенке. Пошлю ее к чертовой матери!»

– У меня мужа... мужа убили, – с горечью произнесла незнакомка и, закрыв лицо руками, зарыдала.

Этого Яна не ожидала.

– Успокойтесь, – холодно и строго сказала она, зная, что иной тон действует на клиентов так, что потом они еще полчаса бьются в истерике, и ее попытки выяснить что-либо оказываются тщетными, – Войдите.

Милославской сейчас вообще совершенно не хотелось браться за какое-либо дело, поскольку она уже пообещала помочь Руденко в расследовании заварушки со взрывом. Однако женщина выглядела такой несчастной, что отказать, не пытаясь вникнуть в суть ее проблем, Яна не сумела.

Хозяйка пропустила гостью вперед и молча зашагала вслед за ней, прикрыв калитку.

– Проходите, – произнесла Милославская, указывая на вход остановившейся у крыльца незнакомке.

Та кивнула два раза и пересчитала ногами ступеньки. Не разуваясь, то ли по привычке, то ли от владевшей ею растерянности, она прошла до середины прихожей и остановилась только перед злобно сверлящей ее глазами Джеммой.

Испуганно прижав к себе руки, гостья вопросительно посмотрела на Милославскую.

– Не бойтесь, – сказала та. – Джемма, свои. Иди на место. Вас как зовут? – обратилась она к незнакомке.

– Люда, – кивнув, ответила та.

– Вот что, Люда, вы сейчас посидите минутку в моем кабинете, а я немного приведу себя в порядок, – продиктовала хозяйка.

Люда скользнула взглядом по штанинам Яниной пижамы, выглядывающей из-под халата, и кивнула, тихо угукнув.

– Пройдемте, – Милославская указала рукой на дверь направо, – Присядьте сюда, – Яна кивнула на диван, – я скоро.

Она скрылась в своей комнате, а Людмила, закрыв похудевшее за ночь лицо сжатыми на груди руками, стала ждать ее, мучительно переживая тягостные минуты. Прошло несколько мгновений, а ей казалось – полчаса, прошла минута, а она думала – как долго! Еще через тридцать секунд женщина встала и стала мерить торопливыми шагами Янин кабинет. Здесь все было необыкновенно, но Людмила в своем состоянии ничего не замечала.

Интерьер этой комнаты удивлял даже видавших виды. Они с удовлетворением делали вывод, что хозяйка дома – натура как минимум загадочная. Высокий диван, на который поначалу Милославская усадила гостью, был обит дорогим зеленым бархатом. Напротив него величаво стояло старинное кресло со спинкой из темной бронзы. Но что по-настоящему тут удивляло, так это изумрудного цвета ковер с вышитыми катренами Нострадамуса. А очень дорогая и ценная статуэтка египетской кошки, нашедшая место на невысокой дубовой тумбе, заставляла загореться огнем зависти глаза не одного коллекционера-любителя и даже антикваров. Сама Яна, таинственная и непонятная для многих, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

Она предстала перед Людмилой в красном шелковом до пят кимоно, выгодно оттенявшем ее черные, как смола, распущенные волосы и бесшумно опустилась в свое величественное кресло.

– Я к вашим услугам, – произнесла Милославская.

– У меня мужа убили, – с трудом выговорила Людмила.

Глаза ее увлажнились. Она сжала губы и, через некоторое время собрав усилием волю, произнесла:

– Помогите пожалуйста.

– Когда это случилось?

– Его нашли немногим позже полуночи.

– Позвольте, разве я главная инстанция в таком деле?! – с некоторым возмущением произнесла Яна. – Есть же у нас в конце-концов и милиция...

– Ради бога! – горькая усмешка исказила лицо Людмилы. – Я даже частным детективам не верю, а вы говорите милиция...

– Почему такой пессимизм? – удивленно пожала плечами Милославская. – Не верю... – хмыкнула она, покачивая головой.

– А вы что, вы – верите?

– Я?... – Яна немного растерялась. – Ну... В некоторых случаях органы совершают настоящие чудеса.

– Вот именно, что в некоторых, – с удивившей хозяйку твердостью парировала гостья, особо ударяя на слове некоторых. Тут же смягчив тон и утерев глаза, она продолжила: – Понимаете, наказание преступника – теперь дело всей моей жизни, и я не могу относиться к нему

так легкомысленно: найдут – не найдут. А вас мне рекомендовал один мой близкий знакомый, он очень хорошо о вас отзывался...

– Мне это льстит.

– Есть еще причина, – не реагируя на реплику Яны, продолжала Людмила, – понимаете... – она немного замялась, мой муж был, как этой сейчас называется... новым русским. Его смерть – дело темное, и вряд ли оно по зубам нашей доблестной милиции. Захочет ли она найти и назвать того, кто оказался сильнее хозяина известного в городе казино? Навряд ли.

– Казино? – невольно ахнула Милославская.

– Да, казино, – с приятной скромностью ответила гостья. – Казино «Фортуна». Оно открылось не так давно, около полугода назад, но стало уже довольно популярным...

Яна ее уже не слышала. Наморщив лоб и высоко подняв брови, она переспросила:

– Извините, я не ослышалась – «Фортуна»?

– «Фортуна», – удивленно глядя на Милославскую, подтвердила Люда.

– Ну и дела! Вот это да! Быстро разворачиваются события...

– Я вас не понимаю, – испуганно прошептала Людмила.

– Сейчас, сейчас, – произнесла Яна, пытаясь разобраться в круговерти захвативших ее мыслей.

Только спустя несколько минут она, наморщив лоб, спросила Людмилу:

– Как это произошло?

– Не знаю. Это ужасно! Ужасно... – плечи гостьи затряслись от беззвучных рыданий.

Яна тяжело вздохнула и опустила глаза.

– Он возвращался домой, – с трудом выговаривая слова, начала Люда, – его нашли неподалеку от дома, в сквере...

– Он что, ходит пешком?

– Нет, у него «Джип», водитель, но вчера...

– Знаю, знаю, – с горькой усмешкой перебила Милославская и закивала.

– Иногда он на такси ездил, может, и вчера... Боже, как такое могло произойти?! Его нашли в ужасном состоянии! Какая жестокость!

– Поясните наконец, – прервала Яна поток эмоций.

– Мне трудно об этом говорить... Труп Алеси нашли подвешенным к трубе и обгоревшим.

У Милославской невольно вырвалось восклицание, передавшее всю степень ее потрясения.

– Вот это повороты, – задумчиво проговорила она, пытаясь связать всю имеющуюся информацию в одно целое.

– Экспертиза уже установила, – вытирая слезы и пытаясь избавиться от кома в горле, добавила Люда, – что Алешу жестоко избивали, а когда... когда он умер, труп подожгли.

– Звери какие-то... – покачивая головой, прошептала Яна.

– Вы кого-то подозреваете?

– Нет.

– Кому могла быть выгодна смерть вашего мужа? У него были враги, недоброжелатели?

Людмила тяжело вздохнула и с сожалением поведала Милославской о том, что она вообще не имела доступа к делам мужа.

После женитьбы они были очень дружны: все было на двоих, интересы, радости, огорчения. Даже обязанности по дому в их семье делились поровну. Они вместе делали дела, потом вместе отдыхали: ходили в гости, в театр, цирк, кафе, ездили на природу, просто сидели дома у телевизора.

Однако время шло и через пару лет у Алексея созрело желание открыть свое дело, заняться бизнесом. «Нам надо думать о будущем,» – сказал он ей, и Люда с ним согласилась.

Она тогда была беременна, сидела дома, поэтому фундамент дела Алексей закладывал один. На первых порах он во всем с ней советовался, прислушивался к ее словам. Дело не сразу, но пошло в гору. В семье появились настоящие деньги.

Родился сын, но Алексей все меньше времени уделял семье и все больше работе. Иногда супругам и поговорить было некогда: он возвращался поздно, уставший, ложился и сразу засыпал.

Однажды Люда ему сказала, что хочет тоже вносить свою лепту в семейный бизнес. Вопреки ее ожиданиям, муж сказал, как отрезал: «Твое место дома, рядом с сыном,» – и вообще перестал посвящать жену в свои дела.

Попытки ее поступить против его воли оказались тщетными. Она наняла няню, но ребенок часто и серьезно болел, и доверять его чужому человеку в такие дни было опасно. Потом Люда снова забеременела, и тогда ей вовсе пришлось забыть о мысли стать бизнес-вумен.

Алексей часто не ночевал дома, не звонил; явившись, ни о чем не рассказывал. Много слез пролила Людмила, но вскоре привыкла и сама стала повторять, что ее место дома, с детьми.

Поэтому в этом плане она ничем не могла помочь Милославской. Яна спросила ее:

– Ну а в вашем общем кругу, кругу друзей, родных не было у вашего мужа врагов, завистников?

– Да что вы, нет, конечно.

– М-да, – протянула Милославская.

Она снова задумалась. Скорость разворачивающихся событий ошеломила ее. Еще вчера Воробья просто припугнули, а сегодня его уже нет в живых. «Похоже, – думала Яна, – планы врагов Алексея кардинально изменились. Почему-то они не захотели ждать, когда тот проявит благоразумие...»

Милославская имела довольно большой опыт расследований, но на ее памяти это был первый и единственный случай, когда человек, которому угрожали, так быстро уходил из жизни. С чем это могло быть связано, она не знала. Единственное, что ей приходило сейчас на ум – Воробей слишком резко ответил на угрозу. Возможно, тоже угрозой. Но, как правило, о резких выпадах криминалитета, город узнавал довольно быстро. Пока же все было тихо. Хотя, впрочем, час был довольно ранний...

– Вот что, Люда, – сказала она, исподлобья глянув на клиентку, – вы сейчас идите домой.

Людмила встрепенулась и тревожно посмотрела на Милославскую.

– Я берусь за ваше дело, – успокоила та, – идите, у вас сейчас много проблем. А мне нужно собраться с мыслями. Давайте обменяемся телефонами, – Яна протянула клиентке свою визитку, взяв ее с журнального столика, – я вам позвоню, как только возникнут какие-то соображения. Да, мне надо собраться с мыслями... – задумчиво повторила она.

Воробьева порылась в своей сумочке, достала из нее маленький блокнотик, что-то начеркала в нем и, оторвав листок, протянула хозяйке.

– Вот, мой телефон, – пояснила она, – и адрес, на всякий случай.

Людмила встала.

– Я вас провожу, – сказала Милославская и вышла из комнаты. Воробьева засеменила за ней.

Закрыв за гостьей калитку, Яна осталась наедине с собой.

Мысли кипели у нее в голове. Она даже не замечала Джемму, которая крутилась под ногами.

Войдя в свою комнату, она плюхнулась на кровать, закинула руки за голову и закрыла глаза. «Да!» – вскрикнула она, вскочив буквально через минуту, и схватила пульт от телевизора. Экран засветился, и Милославская принялась нажимать кнопку за кнопкой, пытаясь отыскать канал, на котором транслировались местные новости.

Ей повезло: один из телеканалов только-только начинал показ программы «Вести». На экране закрутился глобус, а потом вдруг возникла фигура улыбающейся ведущей, которая жизнерадостно поприветствовала телезрителей.

– К делу! К делу! – нетерпеливо бросила в ее адрес Яна.

Она смотрела на диктора, как завороженная, и, затаив дыхание, внимала ее словам. Сюжет следовал за сюжетом, но ничего, что могло бы заинтересовать Милославскую в этот момент, не было. Вслед за обзором политических новостей диктор перешла наконец к криминалу.

Первое, о чем она сообщила – в парке Гагарина найден труп мужчины, Воробьева Алексея Михайловича. Милославская привстала, ожидая услышать что-нибудь сенсационное. Однако, более того, что она уже знала от Людмилы, журналисты не сообщили. «Заведено уголовное дело», – и все на этом. Далее следовал калейдоскоп других происшествий минувшего дня.

Но если «нормальных» людей его освещение порадовало отсутствием других громких преступлений, то Яна разочаровалась – для себя из всего этого она ничего взять не могла: никого больше не убили, никому не угрожали, ни на кого не покушались. Так, «пустяки»: двое напившихся до безумия подрались, и один обеспечил другому сотрясение мозга; на свалке нашли выброшенного мамашей новорожденного мальчика...

Безусловно, Милославская не была черства душой. Не будь она озадачена убийством Воробья, она бы весь день ужасалась услышанному. Но теперь в ее сознании места не оставалось ни для чего, кроме ведомого ею дела. Она искала ответ на вопрос: был ли Воробей убит за резкую реакцию на поступившую в его адрес угрозу – и не находила его. Ни о каких других происшествиях в среде местного криминалитета речи не шло, значит, навряд ли Воробьев успел сделать какой-то резкий выпад в адрес противников.

Далее последовал «Прогноз погоды», и ждать от телевидения было уже нечего. Яна взмахнула пультом, и экран погас. «Возможно, журналисты еще не пронюхали того, о чем я подозреваю, – подумала она и немного успокоилась, однако тут же вслух заключила: – Обращусь к Семе»

ГЛАВА 4

Семен Семеныч в этот момент счастливо почивал, поскольку имел договоренность явиться на работу двумя часами позже обычного. Он громко храпел, раскинувшись посреди кровати и выставив вперед свой все более округляющийся живот.

Дверь в его спальню тихонько скрипнула, и в щелку осторожно просунулось взволнованное лицо его жены.

– Сема-а, – шепотом ласково позвала она, – Семушка-а.

Руденко даже не шевельнулся.

– Сема, – позвала Маргарита Ивановна чуть громче.

Три Семерки дернул головой и перестал храпеть.

– Сема, тебе звонят, – теперь уже вслух сказала его супруга, шире открыв дверь.

Руденко промычал что-то невнятное. Маргарита Ивановна зашла в комнату, наклонилась к мужу и тихонько потрясла кончик его подушки.

– А? – испуганно спросил тот, резко приподняв голову.

– Иди к телефону, там Яна.

– О-о-о, – тяжело протянул тот, снова плюхнувшись на подушку. Закрыв глаза, хрипло спросил: – Чего она хочет?

– Я-то откуда знаю! – всплеснув руками, тихо воскликнула Маргарита Ивановна и, выходя из комнаты, заворчала: – Поди, разбери вас...

Руденко кряхтя сполз на край кровати, спустил ноги и, чуть приоткрыв один глаз, стал искать свои тапки. Найдя и всунув в них ноги, он звучно зевнул, тяжело поднялся и, ширкая ногами по полу и почесывая живот, пошел к телефону.

– М-да, – тоном ленивого кота произнес он.

– Сема, утро доброе. Это Яна.

– До-у-э-оброе, – ответил Руденко, снова зевая и глядя на часы, стрелки которых настойчиво напомнили ему о том, что пора уже собираться на работу. – Чего у тебя?

– У меня к тебе один вопрос. Готов выслушать? – поинтересовалась Милославская, чувствуя, что Три Семерки еще не совсем способен адекватно воспринимать действительность и его на это надо настроить.

Семен Семеныч присел на низенький табурет, стоявший возле телефонной полочки и внятно ответил:

– Готов.

Яна выложила ему все как на духу – все, о чем поведала ей клиентка и до чего додумалась она сама. Слова ее настолько потрясли Руденко, что уже в середине ее рассказа он привстал, обнял телефон, словно его у него собирались отнять и только и делал, что произносил соленькие словечки, выражающие ужас и недоумение. Маргарита Ивановна, конечно, тут же высунулась из кухни и сердито погрозила мужу лопаткой, которой она в этот момент переворачивала оладьи, однако Семен Семеныч, глядя на нее, ее не замечал, а потому сей воспитательный момент пропал даром.

– Ну так что, – спросила Милославская, – ничего не слышал?

Три Семерки даже не смог сразу ей ответить, переваривая полученную информацию. Только после нетерпеливого восклицания подруги, он протянул:

– Нет, Яночка, насчет этого я в полном неведении... Я вернулся вчера очень поздно и, чтобы выспаться дали, отключил телефон. Это Рита уже с утра... Нет, я в шоке! Что теперь будет?! Взрыв, потом такое убийство!...

– Да, плохи дела... Ну, а раз ты вчера так поздно вернулся с работы, значит, откопал насчет взрыва что-нибудь интересенькое?

– Какой откопал! Так, бюрократические проволочки...

– Понятно, – разочарованно вздохнув, произнесла Мирославская.

– Так, – вслух стал рассуждать Семен Семеныч, – я сейчас звякну в отдел, потом тебе перезвоню. Идет? Может, еще выясним что-нибудь.

– По рукам, – ответила Яна и повесила трубку.

Закурив, она стала ожидать звонка от приятеля, надеясь, конечно на лучшее. Минут через десять он позвонил, однако порадовать подругу ему было абсолютно нечем: весь отдел стоял на ушах, и все были в полном недоумении. Причем по поводу трупа никто не мог сказать ничего вразумительного, а в ответ на вопрос о том, не случилось ли минувшим вечером каких-либо криминальных разборок, в которых мог участвовать нынешний покойник, все делали изумленное лицо.

– Ладно, Яна, – завершил разговор Семен Семеныч, – я должен срочно лететь в отдел, так что до встречи. Эх, не сносить нам всем головы...

– Все будет нормально, – попыталась успокоить друга Мирославская. – Давай.

Она положила трубку и невесело посмотрела на часы. Задумавшись, тихо побрела на кухню, принялась варить кофе – пустой желудок напоминал о себе нетерпеливым урчанием.

Участь Семена Семеныча была более счастливой – его уже ожидал готовый завтрак. Так было всегда: Маргарита Ивановна всегда вставала рано, всегда свой день начинала с заботы о муже и сыне. Вот и сегодня, поднявшись, когда еще и шести не было, она замесила тесто для оладьев, привела форменную одежду супруга в порядок, намыла и начистила его ботинки, сбегала в магазин, и к пробуждению Семена Семеныча все уж у нее было готово: на голубенькой тарелочке дымились оладьи, политые свежей сметанкой, свежесваренный чай манил своим горьковатым ароматом.

Руденко, привычный к этому, хмуро вошел на кухню, хмуро опустошил тарелку и бокал, молча умылся и оделся и, на ходу чмокнув прильнувшую к нему жену, торопливо побежал по ступенькам, торопясь на работу.

С женой ему повезло невероятно. Во-первых, она была женщиной очень мягкой и добро-сердечной. Во-вторых, мудрой: умела вовремя сказать нужное слово, вовремя проявить заботу. Никогда не лезла с нравоученьями, когда видела, что он и без того не в духе, и – что особенно ценил сам Три Семерки и все его приятели – никогда не устраивала скандала, если Семен Семеныч возвращался домой навеселе. Всем вообще казалось, что кричать она не умела и не пробовала, как впрочем, и вести тихую войну тоже. Поэтому в семье Руденко всегда все было тихо и мирно.

Кроме того, Маргарита Ивановна не ревновала. Хотя, возможно, она просто умела скрывать свои чувства. Однако, Семен Семеныч не разу не слышал от нее упрека на эту тему. А что касается Мирославской – женщина в ней просто души не чаяла. Встречала дружелюбно, провожала тоже, иногда правда журила, за то что они «с Семей» слишком много работают.

Ко всему прочему, Маргарите Ивановне были подвластны все секреты кулинарного искусства. Она отлично пекла торты, пироги, к каждому празднику подавала какой-то новый салат, фрукты-овощи консервировала на зиму в невероятных количествах и разнообразии и с удовольствием делилась своими рецептами с другими.

Время воспитания наследника, главным образом, несла на себе тоже Маргарита Ивановна. Она одна ходила на родительские собрания, расписывалась в дневнике, следила за подготовкой уроков и даже лекции о том, каким должен быть мужчина, сыну читала тоже она.

Руденко проявлял себя в качестве воспитателя лишь в крайних случаях: высоко взмахивая ремнем, он наставлял сорванца на путь истинный. Тот умолял о прощении, но не более чем через неделю совершал новое «преступление». Маргарита Ивановна, которая многие проделки сына от Семена Семеныча просто утаивала, в такие минуты пыталась остановить разбу-

шевавшегося мужа, а потом тайком утешала провинившегося, прижав его к своей груди и тихо рыдая вместе с ним.

ГЛАВА 5

Слегка склонив серебряную джезву, Милославская налила себе кофе. Он был еще слишком горяч, и она обожглась, прихлебнув немного. Поставив чашку на блюдце остывать, Яна задумалась. Она еще раз от самого начала прокрутила в голове всю информацию от взрыва до вести об убийстве.

Многое в случившемся ее удивляло, но больше всего сам способ убийства. Насколько Яна помнила, такого в той среде, в которой общался Воробей, не бывало.

Как это ни кощунственно, все давно привыкли к заказным убийствам, к словам «киллер» и «контрольный» выстрел и даже к стандартному механизму совершения таких преступлений, описать который мог любой дилетант в юриспруденции.

Однако, судя по всему, в этом деле киллер попался какой-то изощренный. Милославская вообще смутно себе представляла, что им руководило, когда он, рискуя быть кем-то замеченным, так долго и методично расправлялся с несчастным Воробьем.

Запутавшись окончательно, Яна решила в итоге, что, вероятно, Алексей настолько насолил своим недоброжелателям, что избавиться от него «обычным» способом они посчитали недостаточным и даже оскорбительным для своей персоны. Другого объяснения Милославская пока не находила.

Кофе немного остыл. Отпивая понемногу, женщина продолжала думать об одном и том же. Она вспомнила о казино «Золотое руно» и еще больше утвердилась в мысли, что причиной убийства Воробья может быть конфликт на почве конкуренции. Ведь столь близкое соседство двух казино наверняка пагубно сказывалось на бюджете обоих. Первому было обиднее, поскольку ближайшую территорию они уже несколько лет считали своей, а дерзость хозяина «Фортуны» не могла их не раздражать: он не только добился открытия казино в этом месте, но и стал активно «перетаскивать» клиентов на свою сторону, выставив в качестве суперприза автомобиль.

«С Руденко мы условились, что он раздобудет мне информацию о том, было ли между „Фортуной“ и „Золотое руно“ накануне убийства противостояние, – мысленно проговорила Милославская, – Если он об этом не обмолвился, значит, пока ничего не узнал. Не попытаться ли мне самой счастья на этом поприще...» – вдруг подумала она и пришедшей мысли обрадовалась.

Посмотрев на часы, Яна подумала, что будет неловко оказаться первой клиенткой казино. В сущности, еще около полутора часов ей пришлось бы потратить на душ, макияж, переодевание и дорогу. Так что перспектива удивить служащих казино ранним визитом оказывалась не такой уж и реальной.

К тому же надо было проверить, все ли в порядке с главным инструментом работы – картами. Да, Милославская была слишком далека от традиционных методов расследования. Конечно, всем известные милицейские приемы не были ей совершенно чужды, но сильна она была не ими, а особым даром, посланным ей свыше.

* * *

Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, возвращаясь с дачи, попала в серьезную автомобильную катастрофу, перевернувшую всю жизнь Яны – в живых осталась только она.

Весь мир рухнул в одночасье. Тогда она не благодарила бога за свое спасение, она проклинала его. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Погибли мечты, стремления, погибло все, ради чего Яна жила. Жить ей больше не хотелось, видеть никого не хотелось.

Дни шли за днями, а становилось только больше и больше. Каждая вещь в доме напоминала об ушедших, так любящих Яну и так любимых ею. Не раз у нее возникала мысль о самоубийстве, но рука не поднималась переступить заповедь «Не убий». Милославской стало казаться, что она сходит с ума, и тогда она решила сменить место жительства, забраться подальше, где поглуше, существовать тихо и незаметно. Под руку ей подвернулась Агафоновка.

Было невыносимо одиноко, и тут вдруг Милославская обнаружила, что у нее появилась необыкновенная способность – способность ясновидения.

Сначала она не поверила ей, но потом случай предоставился, и она помогла одному своему знакомому найти потерянный документ. Тот рассказал о ней другим, и люди потянулись к Милославской. Начав с мелочей, постепенно она стала раскрывать серьезные преступления. Вместе с Руденко они вообще были способны горы свернуть – один дополнял другого.

Душевный вакуум, образовавшийся после потери близких, постепенно стал заполняться заботой о людях. Яна помогала то одному, то другому и, кружась в этом водовороте, постепенно забылась, войдя снова в нормальное русло жизни.

Она часто вспоминала мужа и сына, но бурная деятельность не позволяла ей снова впасть в отчаяние. Надо было жить, и в этом был смысл. Именно тогда Милославская поняла, что Бог не делает ошибок и что ее предназначенье – жить для других.

Дела она вела посредством гадания, гадания на картах. Но это было очень далеко от тех банальных способов, к которым прибегали многие и которым нехитро научиться любому.

Яна легко и быстро помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах или просто не желали другие органы.

Карты Милославской не имели ничего общего с обыкновенными игральными как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна ложила ладонь на карту и тут... ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику, на которые Милославской грех было жаловаться. Джемма являлась верным и надежным помощником гадалки в «земных» способах расследования, к тому же она прекрасно защищала свою хозяйку, а необходимость в этом возникала довольно часто. Да и Семен Семеныч никогда не подводил, к тому же их сотрудничество очень часто оказывалось взаимовыгодным.

Поначалу, помогая людям, Яна совершенно не думала о деньгах. Но душевный кризис заставил ее бросить работу, которой она до того занималась, а на что-то нужно было жить.

Обращавшиеся к ней сами стали в качестве благодарности приносить что-нибудь, но вскоре Яна поняла: за услуги надо брать деньги, иначе ей не прожить.

Гадание на картах отнимало у Милославской слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. В день больше двух карт из колоды она использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. По этой причине она не могла снова взяться за прежнюю работу и совмещать ее с гаданием, без которого Яна теперь не мыслила жизни. Расследования остались единственным средством существования женщины.

Бесплатных сеансов она не исключала. И если видела, что в ее помощи нуждается человек, отдающий последнее, денег она не брала. Впрочем, такое бывало редко – клиентами Милославской гораздо чаще оказывались люди с тугими кошельками.

Многие расплачивались более щедро, чем требовала гадалка, потому что результаты ее работы поражали их. Жила Яна если и не богато, то по меньшей мере безбедно.

* * *

– Кажется, ничего, – пробормотала себе под нос Милославская, глядясь в зеркало и оценивая, как сидит на ней старый, давно не одеванный, но вполне приличный костюм.

Она быстро оделась, привела себя в порядок и теперь была почти готова к осуществлению задуманного. Почти, потому что выражение собственных глаз ей сейчас не понравилось – какая-то нервозность, беспокойство, страх мерцали в самой их угольно-черной глубине.

– Э-э-э, нет, подруга, так не пойдет, – покачивая головой, с укором сказала она себе. – А ну-ка, встряхнись, – гадалка улыбнулась своему отражению.

Пытаясь задержать эту улыбку на устах, она вышла из дома. Яна прекрасно понимала, что ей надо войти в казино с таким видом, что она самый что ни на есть обыкновенный клиент, вполне довольный жизнью и собственным материальным положением и пришедший в заведение, чтобы в приятном времяпрепровождении потратить деньги.

Она так же ясно понимала, в чем причина такой дисгармонии в ее душе: дело, за которое она взялась, представляло собой пока клубок запутанных нитей, неизвестно где начинающихся и куда ведущих. Такую неопределенность гадалка терпеть не могла – она-то ее сейчас и тяготила.

К счастью, Милославская умела владеть собой и умела направлять эмоции в нужное русло. Не всегда, конечно, это Яне легко удавалось, но... знающие ее говорили о ней как о сильной личности.

Время, проведенное в дороге до казино, подарило ей еще несколько шансов обрести внутреннее спокойствие, так что из такси гадалка вышла с легкой полуулыбочкой. Бросая по сторонам несколько игривые взгляды и опьяняюще покачивая бедрами, Милославская двинулась вперед. Естественно, она больше походила на девицу, ищущую, мягко говоря, романтических приключений, но ведь это только играло ей на руку – лишало ее персону вполне обоснованных подозрений.

Цок, цок, цок – звонко зацокали Янины каблучки по сверкающим чистотой ступенькам высокого крыльца казино. Идущий мимо солидный мужчина надолго остановил взгляд на ее фигуре. Милославская открыла дверь и исчезла за ней, окунувшись в просторные полупустые залы игорного дома.

Тут была не только рулетка, но и все то, о чем только мог мечтать Игрок. И не только игрок – но и гурман: огромный игровой зал плавно перетекал в ресторан. Утомившись за игрой, можно было прямо через два шага очутиться за удобным столиком и сделать заказ, который мог удовлетворить самого требовательного клиента.

Войдя, Яна нисколько не растерялась и уверенно направилась к стойке бара. Разместилась на высоком табурете около стойки, заказала стакан ананасового коктейля и, получив его, изображая равнодушие, лениво-небрежно повернулась лицом к залу, принявшись потягивать коктейль через тонкую высокую трубочку.

Какой-то помятый мужичок лет сорока, явно не спавший этой ночью, сразу подошел к ней и, томно глядя в глаза и поглаживая свою легкую небритость, стал говорить что-то вроде того, что такой красавицы никогда не видел, что сердце его поражено стрелой Амура и т. д. Вряд ли кто-нибудь мог слышать, что Милославская ему ответила, но в следующий миг его как ветром сдуло, и только трезво выговоренное «Понял...» повисло в воздухе.

Яна неприязненно встряхнулась и снова вошла в ту роль, которой изначально решила следовать. Коктейль вскоре был ею выпит, и она неспешной походкой направилась к одному из игровых автоматов. Молча сидевшие за ближайшим столиком приятели проводили ее любопытным взглядом. Милославская давно заметила их и сделала свои выводы, которые позволяли ей теперь не тратить на них внимание.

Игровые автоматы занимали в зале выгодное для гадалки место: сидя за крайним из них, она держала в поле зрения весь зал. Складывалось впечатление, что женщина отчаянно и увлеченно играет – на самом деле ни один предмет она не упускала из виду ни на минуту.

Усевшись перед экраном автомата, она просадила не один десяток пятирублевых, пока у нее не появился повод сдать занятую позицию и сменить тактику – в зал вошел высокий плотный мужчина лет пятидесяти. Вошел громко, эффектно, покрикивая на служащих и на ходу давая всем и каждому указания – всем видом своим он говорил: «Я тут хозяин».

«Хозяин» был явно не в духе, и подчиненные это чувствовали: отводили глаза, боясь вызвать гнев на себя. Мужчина подошел к бару, по первому же кивку головы получил от бармена пузатенькую бутылку холодного пива, набрал какой-то номер на своем сотовом, отрывисто произнес: «Саня, подъехать сможешь? А? Да, срочно. Дело есть. Да. Да. Все, жду.»

«Кажется, дело набирает обороты,» – обрадованно подумала Милославская и перешла за рулетку. Отсюда она могла лучше слышать «хозяина» и внимательнее наблюдать за ним. «Александр Сергеич, Александр Сергеич,» – подобострастно доносилось со всех сторон. Те, кому хозяин, войдя, дал указания, уже спешили доложить об их выполнении. Александр Сергеич только хмуро кивал и жестом велел убираться.

Потягивая пиво прямо из бутылки, он отошел от стойки, разместился за одним из столиков и, постукивая по столу толстыми короткими пальцами, стал с ожиданием поглядывать на дверь.

Неменьшим нетерпением была охвачена и Милославская. Она находилась достаточно близко от Александра Сергеича и вполне могла слышать разговор, который должен был состояться. А чтобы не привлекать к себе его внимание, она сделала ставку и принялась изображать из себя поглощенного азартом игрока. Худощавый, высокого роста крупье с особым оживлением суетился вокруг нее, надеясь поживиться на проигрыше глупой ветреной дамочки.

Однако гадалке и первый, и второй раз повезло. Вообще в таких мероприятиях она всегда была довольно удачлива. Крупье с улыбкой, но настороженно переглянулся с одним из своих коллег, побаиваясь, наверное, что игра Милославской на этом и закончится. Яна же не собиралась сдаваться: сделала еще ставку и... проиграла.

Мысленно пересчитав содержимое своего кошелька, она с неудовольствием про себя заметила, что теперь ей придется просить помощи у своей пластиковой карты. Благо, неподалеку от выхода казино был банкомат.

Расплатившись по проигрышу, она игриво сказала крупье:

– Мальчики, я выйду к банкомату, и мы продолжим...

Они улыбнулись ей в ответ и разом кивнули.

Выйдя на улицу, Милославская увидела, что у казино паркуется серебристая иномарка. Замедлив шаг, она искоса стала наблюдать за ней, ожидая увидеть приехавшего.

Водитель вышел из машины торопливо и, нервно подергивая плечом, направился в казино. Это был респектабельный мужчина лет пятидесяти, в сером, слегка помятом костюме, немного лысоватый, совершенно седой. Даже брови его и густые усы были абсолютно белыми. Плотный, но подтянутый, он, по-молодецки подпрыгивая, преодолел ступеньки и скрылся за зверью.

«Тот самый Саня,» – сразу уверенно подумала про себя Милославская. Дрожащей от волнения рукой она сунула пластиковую карту в отверстие банкомата и вслух стала умолять его рассчитаться с ней побыстрее.

Вскоре деньги ею были получены. Оглянувшись и убедившись, что никто на ее персону не обращает внимания, она побежала и так в считанные секунды оказалась у входа в казино. Остановившись и переведя дыхание, гадалка немного оправила одежду и прическу и вошла в помещение совершенно невозмутимо.

Только что приехавший Саня стоял у стойки бара в ожидании протираемой барменом запотевшей бутылки холодного пива, а Александр Сергеич взволнованно и даже сердито потопрапливал его.

Яна, от порога кокетливо помахав ручкой крупье, неспешно продефилировала в сторону рулетки. Осчастливив крупье очередной, хотя и не крупной ставкой, она совершенно равнодушно следила за ее вращением, зато слух гадалки напряженно ловил каждый звук, раздававшийся за столиком, занятым интересующими ее мужчинами.

– Здорово, – сотрясая руку приятеля, хмуро произнес Александр Сергеич, – присаживайся, – хозяин казино выдвинул для прибывшего стул.

Саня молчаливо пожал в ответ руку Александра Сергеича.

– Чего шумел? – тихо спросил он.

– Шумел не я. Без меня нашумели.

– Говори яснее.

– Воробья... В общем, Воробья больше нет, – Александр Сергеич болезненно поджал губы и исподлобья глянул на приятеля.

Саня уставился на него, высоко подняв брови и выкатив глаза.

«То, что надо!» – мысленно торжествовала Милославская.

– Тебе это удалось? – радостным шепотом произнес собеседник хозяина казино.

«Ого!» – ахнула про себя Яна и тут же вслух произнесла:

– Я выиграла! Фортуна улыбается мне! Ес! Ес!

Она радостно восклицала и хлопала в ладоши, стараясь всем видом своим показать увлеченность игрой и абсолютное равнодушие к тому, что происходило вокруг.

Александр Сергеич скептически покосился на нее и ответил Сане:

– Мне, к сожалению, не удалось...

– Не понимаю, – произнес Саня и прикурил.

– Я тоже ничего не понимаю, – Александр Сергеич тоже потянулся за сигаретой.

После некоторого молчания, он сказал:

– Кто-то убрал Воробья. Все, его больше нет.

– Так это ж прекрасно! – Саня криво улыбнулся.

– Хм, прекрасно... – Александр Сергеич болезненно скривил рот. – Как ты думаешь, кто сейчас будет у мусоров под подозрением?

В воздухе повисло молчание.

– То-то и оно, – нравоучительно протянул хозяин казино. – Знаешь, какая мне мысль пришла?

Саня вопросительно поднял глаза.

– А не есть ли это способ косвенной расправы над нами?

– Ты смеешься? – лицо Сани исказила ухмылка.

– А что? Подстава вполне возможна. Мотив у меня есть? Есть. А алиби?

Саня испуганно содрогнулся.

– Но мы же вчера... – он осекся на полуслове.

– Но ты об этом будешь говорить, когда тебя спросят? Вот именно. А это значит, алиби у нас нет.

– Александр, у тебя хорошие адвокаты.

– Слушай, ты прекрасно знаешь, что последние два года меня настойчиво пытаются смешать с дерьмом! Смешают вместе с адвокатами... Воробей меня достал, конечно, но я бы вполне успокоился закрытием его конторы...

– Ты кого-то подозреваешь?

– Пока не знаю.

– Нам лучше пока не встречаться?

Александр Сергеич молчаливо кивнул.

– И по телефону осторожнее, – добавил он. – Боюсь, будет прослушка.

– Ну давай, – Саня привстал и крепко сжал руку своего приятеля.

Тот посмотрел на него благодарно и ответил:

– Давай.

Взяв со стола свои ключи и зажигалку, не задержавшийся надолго визитер спешно удалился. Не желая больше делать крупные проигрыши и привлекать к себе излишнее внимание, Яна покинула рулетку, села за дальний столик и заказала чашку кофе. Ей было над чем подумать.

«Похоже, хозяин этого казино тут совершенно не при чем,» – пронеслось в первый миг у нее в голове. Однако Яна не имела привычки доверяться первому же порыву чувства, хотя интуиция у гадалки и была завидной.

– Человек – существо загадочное, – едва ли не вслух проговорила она и про себя добавила: «Чужая душа – потемки. Возможно, тут есть какое-то подводное течение, а потому не стоит так сразу верить тому, что смерть Воробья для Александра Сергеича – полная неожиданность.»

Женщина принялась мысленно рассуждать. Во-первых, Милославская заключила для себя, что тот приезжавший Саня и Александр Сергеич, хозяин казино, – единомышленники покрупному. Они, вероятно, имеют общие интересы относительно этого заведения и не только. Во-вторых, гадалка поняла, что накануне убийства Воробья оба они проворачивали какое-то не вполне или даже совсем не чистое дело, повиниться в котором ментам не захотели бы ни за какие коврижки, даже если бы им обоим угрожала тюрьма. Что это за дело – для Яны оставалось вопросом, хотя, впрочем, и не имело для расследования, вероятно, никакого значения.

И еще: гадалка поняла, что в течение последних двух лет бизнес у Александра Сергеича и его напарника шел не вполне удачно. Кто-то явно вставлял им палки в колеса, и этот кто-то, вероятно, был более влиятелен и силен.

Милославская жадно, стараясь при этом, конечно, не обнаруживать своего интереса, наблюдала за хозяином казино. Он мановением руки велел принести себе еще пива, потом потребовал какой-то закуски. Яна приоткрыла сумочку и извлекла оттуда заветную колоду. Только она ей тут могла помочь. Александр Сергеевич определенно думал сейчас об убийстве Воробья и о только что минувшем разговоре. Ничто не мешало гадалке проникнуть сейчас в глубины его сознания.

Веером развернув перед собой колоду, она выбрала карту «Чтение». Эта карта была поистине необыкновенной и, пожалуй, самой загадочной. Она обладала сказочными возможностями. Конечно, и другие карты Яны Милославской предметом привычным и банальным назвать было нельзя, но способности этой удивляли даже саму гадалку.

«Чтение» отнимало у Милославской массу душевных и физических сил. После этой карты, как не после какой другой, Яна чувствовала себя особенно изможденной и опустошенной. Зато «Чтение» позволяло прочесть... чужие мысли. Если карта шла на контакт, конечно.

В центре карты красовалось изображение глаза, в зрачке которого застыло отражение человеческой головы. От этого глаза шли нарисованные Яниной же рукой мощные флюиды, волны, а затем и лучи, символизирующие мощную энергию и способные поведать гадалке о многом.

Милославская убрала лишние карты назад в сумку и, продолжая безмолвствовать, опустила на «Чтение» руку. Чтобы не привлекать к себе внимание, она спокойно сделала несколько глотков кофе и только после этого приложила усилия для своего сосредоточения на гадании.

Милославская настойчиво смотрела прямо в затылок Александру Сергеевичу, хотя карта и не предписывала таких условий в качестве обязательных. В этот момент гадалкой владело желание видеть объект, что называется, насквозь, и момент для этого был очень подходящий. Терять его было просто нельзя. Александр Сергеич сосредоточенно пил пиво и думал о своем, а ведь мог внезапно подняться и уйти. Поэтому Яна, возможно, и рискуя привлечь внимание, смотрела на него в упор: шансов обнажить мысли человека при такой тактике были гораздо выше.

Гадалка в эти минуты не думала ни о чем постороннем. Просто буравила взглядом голову объекта и задавалась единственным вопросом: «О чем ты думаешь?». Мысли его она просто обязана была услышать.

Отдача от карты, к счастью, пошла сразу. Видимо потому, что Александр Сергеич всем существом своим отдавался сейчас размышлениям над случившимся. Он не подозревал, что кто-то сейчас пытается проникнуть в его святая святых и не пытался изобразить равнодушия, которое обычно упорно демонстрируют те, кого открыто допрашивают.

Яна начала чувствовать излучающееся от «Чтения» тепло. Оно постепенно окутывало руку, словно невесомая мягкая перчатка. Еще через несколько секунд Яна ощущала уже интенсивные волны, ударяющие в самый центр ее напряженной ладони. Гадалка сконцентрировала всю свою внутреннюю силу в одной точке тела и в следующий же миг ее сознание окутало мутное облако, которое пульсировало, издавая какие-то неясные звуки.

Но только в первые мгновенья Милославская не могла их разобрать – уже вскоре ее мозг читал законченные по смыслу высказывания.

«И кому это могло понадобиться? – думал Александр Сергеевич. – Хотя, что это я... Идиот! Бизнес без это не бывает. Крутые живут богато, но недолго... Но, Господи, ведь я тоже втайне желал ему смерти! Желал! Желал! Желал! М-м-м-м. Что это я нюни распускаю? Некогда, некогда, некогда! Надо думать о том, что делать, если сейчас сюда мусора заявятся. Ну скажу я, что не убивал. А дальше что? Поверят? Ни черта! А про вчерашнее, хотя оно и алиби, – душить будут – не расскажу! Что делать? Что делать? Вести себя спокойно, вот что!!! Не виновен – не дрейфь. Уверенность в себе – вот главное. Да, да, безусловно!»

Хозяин казино вдруг резко встал. Облако, которым было окутано сознание гадалки в этот миг неожиданно разорвалось, и больше Яна ничего «прочитать» не смогла. Да, собственно, ей и так все было ясно: этот человек на самом деле к убийству не причастен, и в разговоре с тем Саней он не лукавил.

Милославская почувствовала ужасное недомогание, но все же попыталась открыть закрывшиеся во время гадания глаза. Публика могла неверно это понять и броситься в панику, которая для Яны была вовсе не желательна.

Находясь еще в полуобмороке, она заказала официанту салат и закурила. Яна поудобнее откинулась на спинку сиденья и расслабила тело. Она не строила сейчас дальнейших планов расследования, потому что на время утратила способность плодотворно мыслить. Гадалка ушла в некое оторванное от реального мира состояние и постепенно восстанавливала свои силы, пользуясь обстановкой покоя.

Салат уже стоял перед ней, когда она выкурила сигарету. Посетителей вокруг стало больше, и персона вольготно разместившейся в кресле Милославской не бросалась в глаза.

Яна взяла вилку и небрежно стала ковыряться в салате. Со стороны можно было подумать что она испытывает отвращение к пище, хотя на самом деле гадалка просто не находила сил делать это по-другому. Руки были словно ватные.

Александр Сергеич тем временем дал своим подчиненным еще ряд указаний и торопливым шагом вышел из казино. Милославская почувствовала, как служащие в раз облегченно вздохнули. Тут же они дружно засмеялись такому единомыслию. Видно, этого человека тут боялись, а значит, уважали.

Самой ей здесь оставаться больше не имело смысла. Не съев и половины порции, она отодвинула тарелку, достала из сумочки зеркальце, немного подправила на губах помаду и, слегка покачиваясь от головокружения, побрела к выходу. Если бы кто-то в этот момент наблюдал за ней, то точно сказал бы, что она пьяна.

Выйдя на обочину дороги, гадалка поймала такси и, назвав водителю свой адрес, отправилась восвояси.

ГЛАВА 6

– Джемма, ну что ты... – потягиваясь, произнесла Милославская.

Собака давно уже лизала ей ладонь, пытаясь добудиться. Яне стала щекотно, она отдернула руку и улыбнулась.

– У-у-у-у, – протянула она, вытягиваясь всем телом.

Джемма присела около кровати и, поджав хвост, стала любоваться своей хозяйкой. Она любила смотреть, как та нежится в кровати, любила наслаждаться той гармонией, в состоянии которой Яна в такие минуты находилась.

– Проголодалась? – спросила гадалка.

Джемма обернулась и гавкнула на дверь.

– Понятно. Придется вставать.

Собака огляделась и, взглядом найдя Янины тапки, ухватила их зубами.

– Давай, давай, – поторопила ее Милославская.

Яна села на краю кровати. Перед ней замелькали мушки. Она встряхнула головой и резко поднялась, тут же пошатнувшись от помутнения в глазах.

Она прекрасно выспалась, бросившись на кровать сразу после приезда домой, и теперь, казалось бы, ей следовало быть бодрой и полной энергии. Однако чрезмерное расслабление на этот раз лишило Яну дееспособности, а не наполнило ее силами, а потому вот так сразу гадалка не смогла проявить стойкости оловянного солдата.

Ширкая тапками, она поплелась к двери. Приоткрыв ее, выпустила на улицу истомившуюся Джемму. Недовольно посмотрела на свое отражение в зеркале и, хотя с грустной ноткой, но оптимистично, заключила:

– Чашка кофе, и я буду в норме.

В действительности первым делом гадалка взялась за сигарету, впившись в нее губами, словно утомленный жаждою путник. Уставившись в окно и поначалу совершенно ни о чем не думая, Милославская бесцельно наблюдала за облачками дыма, окутывающими ее.

Потом совершенно механически она взяла в руки джезву и принялась за приготовление кофе. Безусловно, Яна знала о существовании разного рода кофеварок и кофе-машин, но напиток, приготовленный посредством их, на взгляд гадалки, не шел ни в какое сравнение с тем, что получался у нее благодаря «старой серебряной железке».

Терпкий, без сахара, кофе сразу ее взбодрил.

– Можно жить и работать! – многозначительно заключила она, ополаскивая чашку и направилась в душ, подумав, что это будет последний штрих к ее восстанавливающемуся после сна портрету.

Обрызгавшись после купания с головы до ног энергоспреем, Яна облегченно и жизнерадостно вздохнула.

– Теперь стоит подумать о том, что делать дальше, – с серьезностью подытожила она.

В этот момент во дворе раздался громкий собачий лай.

– Что там еще? – пробормотала Милославская и подошла к окну, зная, что такое поведение собаки обычно извещает о прибытии гостя.

У ворот медленно разворачивалась сияющая блеском иномарка.

– Людмила, – серьезно произнесла гадалка и торопливо пошла к двери.

Не успела гостья лязгнуть щеколдой, как Милославская приветливо отозвалась:

– Иду-иду.

Джемма не стала заливаться лаем, видя, как настроена ее хозяйка. Но, будучи животным бдительным и предусмотрительным, она опередила Яну и, энергично отбивая хвостом, остановилась у калитки.

- Здравствуйте, – произнесла Люда, немного виновато глядя на Милославскую.
- Добрый день, – ответила та. – Проходите.

Людмила поправила черный гипюровый платок, косынкой повязанный у нее на голове, и несмело вошла во двор.

Траурный вид клиентки и Милославскую заставил сменить выражение лица.

– Мы ехали в этом направлении, и я решила заскочить, спросить, нет ли чего нового у вас для меня, – объяснялась Люда, следуя за хозяйкой дома.

– Заходите, – Яна указала Людмиле на дверь, – в доме поговорим.

Та молчаливо кивнула и быстро поднялась по ступенькам крыльца.

Милославская отстранила трущуюся о ноги Джемму, и та, радуясь, что ее прогулка может еще продолжаться, огромным прыжком рванула назад, в сторону ворот.

– Я сейчас только с постели, – начала гадалка, усадив гостью напротив себя в кресло. – Отдыхала после гадания. Знаете, один сеанс выжимает из меня все соки...

– Конечно, разумеется, – согласилась с ней Люда, но в глазах ее откровенно стоял немой вопрос: есть ли результат.

– Но, – продолжила Яна, – начну с того, что привело меня к нему.

И Милославская поведала клиентке историю своего похождения в казино от самого начала.

– Вы смелая женщина, – с удивлением заключила Людмила. – Идти туда, пытаться что-то разузнать...

– К этому обязывает меня моя работа, – вздохнув, ответила гадалка, – и ничего героического тут нет, тем более, что этот ход оказался ложным. Впрочем, думаю, отчаиваться нам не стоит. Я не потратила на него много времени и сегодня же планирую начать расследование по другому пути, – Яне хотелось подбодрить клиентку.

– Правда? – поначалу поникнув, оживилась гостья.

– Правда.

– Ну так... я, наверное, вас... задерживаю?

– Нет, что вы.

– Нет, нет, я пойду, – заторопилась Люда. – Ничто не должно вас отвлекать. Преступники должны быть найдены и наказаны как можно быстрее! – в голосе этой хрупкой на вид женщины вдруг появился металлический оттенок.

Людмила встала.

– Проводите меня, – сказала она.

– Как скажете, – ответила Милославская, поправляя упавшую на лицо прядь волос. – А то, может, кофе выпьете?

– Нет-нет, работайте, пожалуйста, – Люда посмотрела с мольбой и благодарностью.

– Ну что ж, – Яна тоже встала, – идемте.

Она проводила гостью до калитки.

– Заранее благодарна, – тихо сказала та и, немного постояв, пошла к машине.

– Джемма, – позвала гадалка, – идем домой. Слышала – ничто не должно меня отвлекать? А то сейчас сяду думать, а ты тут как тут – когтями дверь царапать. Идем, идем, хватит уже пыль во дворе поднимать! К вечеру, может, на пустырь сходим, там уж вволю разгуляешься...

Собака невесело, но все же пошла за хозяйкой. Верхом насыпав в ее миску сухого корма, Яна удалилась в свой кабинет и, уединившись там, закрыла дверь.

Однако, видно, не суждено ей было так скоро по-новому взяться за дело. У двора снова раздался гул мотора, снова сердито залаяла Джемма, снова пришлось вставать и идти к окну.

– Кого еще принесло? – сердито бормотала при этом Милославская.

Увидев давным-давно знакомую ей «шестерку», она с одновременным расстройством и радостью протянула:

– Три Семе-о-орки...

Было досадно, что начало расследования в новом направлении в связи с неожиданным визитом Семена Семеныча откладывается еще на некоторое время – разговор с приятелем редкий раз оказывался коротким.

После посещения Людмилы Милославская, хотя она и не показывала виду и не хотела себе в этом признаваться, стала испытывать неприятное чувство вины перед клиенткой, и теперь ей как можно скорее хотелось предпринять что-то, чтобы от этого чувства избавиться. Семен Семеныч, видимо, о таких нюансах думать не хотел, а потому и явился к подруге во вроде бы неподходящий момент.

В то же время Яна ему обрадовалась, так как ее терзало непреодолимое желание излить кому-то понимающему душу и поделиться недавно пережитыми впечатлениями. А Три Семерки – чем не жилетка, в которую можно лить слезы и... не только? Кроме того, явление Руденко подавало надежду на получение радостных или по меньшей мере свежих и весьма полезных новостей.

Яна с полуулыбкой на лице дала вышедшему из машины Семену Семенычу знак, означающий – сейчас выйду, жди – и засемила к выходу. По дороге до двери она пыталась понять, признаком чего может являться его взволнованное лицо и нахлобученная как-то набок фуражка – радости или же, напротив, отчаянья.

Руденко, приняв к сведению поданный ему Яной знак, присел на край капота и закурил. Он задумчиво и хмуро глядел вдаль, когда Милославская открыла калитку.

– Привет, – тихо сказала гадалка.

Семен Семеныч повернул голову и так же спокойно ответил:

– Здорово.

Он привстал и пошел вслед за Яной, которая двинулась назад, вглубь двора.

– Вижу, невесел... – спросила она его, не оборачиваясь.

– Да как тебе сказать, – ответил Три Семерки, пожав плечами. – Пустота внутри какая-то...

– Чего так?

– Подожди, я докурю, – остановил Семен Семеныч гадалку, поднявшуюся уже на верх крыльца.

Яна оглянулась и, видя задумчивость приятеля, присела на верхнюю ступеньку. Искося глянув на гадалку, Руденко сделал то же самое.

– Ну так что у тебя? – повторила свой вопрос Милославская.

– Порожняк, – вздохнув, ответил Три Семерки.

– То есть?

– Ну, начал я копать, пытаюсь узнать, не была ли назначена накануне Воробью стрела и не отреагировал ли он на таковое приглашение резко настолько, что его просто убрали с арены...

– О-о-о, друг мой, – иронично протянула гадалка, – далеко же ты ушел! Ну и откопал что?

Руденко молчали развел руками.

– Ни о каком скандале накануне убийства никто ничего не слышал. Говорят, все было вроде мирно, и тут на тебе – хлоп! – убрали человека. Короче, в криминальных кругах, смерть этого типа была полной неожиданностью.

– И ты доверяешь этим криминальным кругам? – криво улыбаясь, спросила гадалка.

– На этот раз да, – спокойно ответил Три Семерки. – Источник надежный...

Милославская задумалась, а потом, уже серьезно, произнесла:

– Знаешь, Сема, честно говоря, я и сама в этом плане ничего хорошего не выявила.

Руденко посмотрел на подругу вопросительно.

– Была я с утра в «Золотом руно»... – как бы невзначай проговорила она.

– Ты???

– Угу. И вывод для себя сделала однозначный – не там мы ягоду-малину ищем.

Три Семерки в упор смотрел на гадалку, не в силах поначалу ничего сказать. Она же, знакомая с такой реакцией, ждала, когда это у него пройдет, и молча глядела в сторону.

Вскоре Руденко как прорвало:

– Ты??? Да как??? А если бы??? Черт знает что! Почему не предупредила? Я бы с тобой в конце концов пошел!

– Только мента в погонах мне под боком нынче и не хватало, – парировала гадалка. – Тогда уж меня точно встретили бы с распростертыми объятиями и проводили бы с кучей вопросов в голове. А так – все ясно.

– Но ты рисковала, черт возьми!

– Господи, Сема! В первый раз что ли?! – Милославская горько усмехнулась. – И, по моему, я довольно часто обходилась без твоей помощи... – добавила она осторожнее.

Семен Семеныч немного помолчал, сначала взволнованно сопя, а потом дыша уже куда ровнее, и наконец произнес:

– Да, ты права, права. И все же я жутко переживаю за тебя, Янка! Ну да ладно, – подытожил он, – давай все по порядку, как и что.

– Идем тогда в дом что ли... – предложила гадалка.

– Да ну его! – отмахнулся Руденко. – Давай тут посидим. Вон у тебя здесь красота какая, – Семен Семеныч взглядом обвел двор, – гляди только и любуйся.

– Ну как скажешь, поэт ты мой, – вздохнув, с улыбкой ответила Яна и, сев поубнее, начала описывать приятелю свой визит в казино в мельчайших подробностях.

Руденко слушал, сопел, хмыкал, удивляясь. Когда Яна закончила, он, зачем-то поправив фуражку, произнес:

– М-да... Рискованная ты женщина, Яна Борисовна...

– Рискованная... – вздохнув и пожав плечами (дескать, ничего не поделаешь), ответила Милославская.

– И что думаешь делать дальше? – откусывая заусенец, спросил Руденко.

– Пока не знаю. Собственно у меня, как и у тебя, – пока пустота.

Яна не стала говорить, что Три Семерки помешал ей строить планы, зная, что Семен Семеныч на это обязательно обидится. Порой он был совершенным ребенком, и Милославской тогда приходилось вживаться в роль заботливой мамы, а порой... упрямство Руденко перебороть было просто невозможно.

– Мне, Сема, вот какая мысль пришла, – немного помолчав, начала Яна, – а не было ли у Воробья еще какого бизнеса, помимо казино?

– Ну-у-у, ты скажешь тоже, – скептически протянул Три Семерки, а сам задумался.

– А что? Другой бизнес – это другие связи, другие люди, другие конкуренты, – Пожав плечами, парировала гадалка.

– Да что ты все заладила конкуре-е-нты, конкуре-е-нты... Других причин что ли быть не может!

– Может, почему же. Но ведь убийство на почве конкуренции среди таких, как Воробей, довольно распространено... Они по-другому-то решать свои проблемы не способны...

– Распространено. Но я почему-то не склонен об этом думать.

– Ты уж прости, Сема, – как-то вытянувшись, сказала гадалка, – но ты слишком часто не склонен думать именно о том, что в итоге оказывается истиной.

– Бывает, не скрою, – удивив Яну столь редкостным благоразумием, ответил Три Семерки.

Он потянулся и, оторвав от росшего рядом с крыльцом куста смородины коротенький сучок, стал жевать его.

– Не порть растения и зубы, – поучительно произнесла гадалка и отобрала у приятеля тонкий сочный стебелек, бросив его на землю. – Сема, ну почему ты так упрям...

– А я баран по гороскопу, – засмеявшись, ответил Семен Семеныч.

Милославская подхватила смех приятеля, а когда он успокоился, серьезно спросила:

– Ну что, бар... Овен, возьмемся?

– Возьмемся, куда ж мы денемся, – утирая выступившие слезы, ответил он. – Другого-то варианта сейчас все равно нет? – Руденко посмотрел на Милославскую пристально.

– Нет, – уверенно ответила та.

Воробьи суетливо щебетали на дереве, перепрыгивая с ветки на ветку, и между приятелями на время установилось молчание, потому что они залюбовались ими.

– Вот жизнь, – завистливо протянул Руденко, – ни забот, ни хлопот. Чирикают себе да чирикают. И шефа у них нет... Счастливые!

– Хм, – прыснула Милославская. – Почему же нет? Смотри, вон тот, самый толстенький, он, наверное, их шеф. Глянь, как громко чирикает. Ишь, раскомандовался!

– А нахохлился-то! Прямо как наш! – с серьезным недовольством проговорил Три Семерки, задрал голову. – Глянь, так и норовит самого худого с ветки скинуть! Наглый какой!

Яна, еле сдерживая смех, наблюдала за Руденко, а когда он чуть не бросился на защиту подчиненных самого бойкого воробья, во весь голос расхохоталась, говоря:

– Идем в дом, обстановка тут нерабочая, – теперь уже она утирала слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.